

ВОСПОМИНАНИЯ РЕНЕ БОРДЕРО
ПО ПРОЗВАНИЮ ЛАНЖЕВЕН²

Я родилась в селе Сулен, возле города Анже, в июне 1770-го, у почтенных, но бедных родителей.

Чтобы подавить роялистское восстание в Вандее, в 1793-м в наш край вторглись армии республиканцев, безжалостно грабивших и убивавших всех на своем пути. Я видела, как погибли сорок два моих родственника, мой отец погиб у меня на глазах, и их гибель наполнила меня яростью и отчаянием. С этой минуты я решила посвятить тело королю, а душу Богу, и поклялась сражаться до победы или умереть.

Для начала я купила двуствольное ружье и сделала около двадцати пяти холостых выстрелов, чтобы к нему приладиться, а когда научилась попадать в цель, раздобыла мужскую одежду и присоединилась к отряду, состоявшему из пяти сотен мужчин из моего прихода.

Сначала я взяла себе имя моего брата Гиацинта, но мои товарищи не могли его запомнить, и называли меня Ланжевен; это имя за мной и закрепилось.

Мы без промедления отправились в Вандею. Когда мы проходили через Мозе, к нам присоединились еще двести человек под командованием капитана Оде. Мы прибыли в Шоле, а уже через два дня нагрянул враг, и мы вступили с ним в бой. Сначала мы терпели поражение, но потом, собрав все наше мужество, мы так яростно сражались, что одержали победу. В этом сражении нами командовал г-н де Лескюр.

Скажу честно, поначалу я все время вздрагивала при звуках ружейных выстрелов и уже отчаялась, решив, что не смогу справиться со своим малодушием. Тогда, воздев руки к небу, я обратилась к Господу: «Господи, Боже мой, неужели ты не дашь мне храбрости, чтобы сражаться с твоими врагами?» И тотчас случилось чудо: я почувствовала, что больше ничего не боюсь. С тех пор благодаря Господу я больше не боялась.

Из Шоле мы двинулись в Сен-Флоран; там мы тоже одержали победу и захватили два орудия. Свернув к Жалэ, мы и там взяли верх, и нам досталось еще два орудия. Потом я участвовала в бою при Туаре,

² L'Angevin — анжуец (*фр.*)

состоявшемся 5 мая; там я два часа сражалась в пешем строю, а моего коня держал аббат Ферре.

Нашим командиром по-прежнему был г-н де Лескюр; когда наши явились к нему с криками и требованиями боеприпасов, которых нам не хватало, он без колебаний ответил нам, махнув рукой в сторону синих: «Друзья мои, они там». И он оказался прав: в ходе боя мы захватили все неприятельские пушки и ящики с боеприпасами. Мы победили, но победа обошлась нам очень дорого: пришлось вброд пересекать реку; вода стояла нам по грудь, а враг обстреливал нас из-за укреплений. Переправившись на другую сторону, мы пошли на штурм стен, и, хотя нас отовсюду обстреливали, мы захватили город и взяли много пленных.

Дальше мы двинулись на Фонтене, где потерпели поражение и потеряли два орудия и много людей.

Но через два часа мы собрались, вернулись, одержали победу и забрали наши пушки и взяли новые.

Через две недели я участвовала в продолжительном сражении под Сомюром. Сначала наша атака со стороны Сен-Флорана захлебнулась, но потом две сотни отважных всадников, и я среди них, набравшись храбрости, снова устремились на врага. Уничтожив пятьдесят кирасиров на мосту Фушар, наш отряд сплотился и наголову разбил противника. Мы вошли в крепость Сомюр, и три тысячи республиканцев вынуждены были капитулировать.

Тогда я попросила своего командира, г-на Дюу, разрешить мне поехать в Шемийе, чтобы набрать еще людей. Там я нашла г-на Кади, уже собравшего пять сотен добровольцев, так что на следующий день нам всем предстояло выступить в Пон-де-Се, а оттуда в Анже на соединение с основной армией.

Изнывая от скуки в Пон-де-Се, я вместе с двумя кавалеристами имела неосторожность съездить в Анже пообедать у девиц Руже. Проезжая на обратном пути мимо Дуба Свободы, мы хотели срубить его, но потом передумали, решив не рисковать, ибо об него можно было сломать саблю. Трое республиканцев, увидев, как мы размахиваем оружием, потребовали от нас вложить сабли в ножны. Мы ответили, что сейчас превратим в ножны их желудки, и они испугались и убежали. Мы миновали республиканского часового, который не осмелился остановить нас, и вернулись в Понт-де-Се, где заставили сотни две местных патриотов, явившихся поглазеть на нашу армию,

снять трехцветные кокарды.

После взятия Анже мы двинулись на Нант, на подступах к которому бой длился весь день; оставив лошадь в укрытии, я сражалась четыре часа на своих двоих, и нам удалось даже дойти до предместий. Там мы с товарищами решили заскочить в ближайший дом, надеясь найти там хлеб, и в дверях столкнулись с двумя республиканскими солдатами. Одного я застрелила из своей двустволки, а другого убили мои товарищи. В этом бою погибли одиннадцать человек из моего прихода, а наш генерал Кателино получил пулевое ранение, и его унесли; через некоторое время он выздоровел, и в Бретани еще не раз водил нас в атаку. Потеряв много смелых бойцов, мы вынуждены были отойти, и я вернулась за своей лошадью. Мы отступили вглубь Вандеи.

После недолгого отдыха мы двинулись на Мартинье, селение, занятое врагом. Колонна, где находилась я, одержала победу; левую же колонну полностью разгромили, и нам пришлось отступить. Пулей меня ранило в ногу. Мы захватили в плен четырех республиканцев, и я, несмотря на отступление, сумела сохранить отобранные у них ружья. Нами тогда командовали гг. де Ла Сориньер и Стоффле.

Отступая, многие из наших солдат остановились у источника, чтобы напиться, но *синие* отравили источник, и более двух сотен несчастных скончались от яда.

Когда мы подошли к Бриссаку, я показала расположение складов боеприпасов, принадлежавших республиканцам; мы захватили их и разоружили много врагов.

Я участвовала в сражении при Люсоне, когда командовали гг. де Лескюр и де Ларошжаклен; тогда моего коня ранили трижды; меня тоже ранило, и меня сочли мертвой, потому что пуля задела голову. До сих пор, когда плохая погода, голова у меня начинает болеть. Конь сумел перенести меня через реку, но, выбравшись на берег, пал мертвым. Мы отступали по равнине, где неприятель преследовал нас на протяжении трех лье; за время отступления мы потеряли примерно две тысячи человек, но мы с товарищами сумели уничтожить шестерых врагов и захватить пять лошадей, и я снова получила коня.

Когда мы вошли в Шантоне, я захватила казну республиканцев и передала ее своим командирам, которыми в то время были гг. де Лескюр, Стоффле и де Ларошжаклен.

В Дуэ нам учинили полный разгром. Я спасла раненого, посадив его на коня позади себя. Во время отступления я храбро сражалась,

несмотря на сидевшего у меня за спиной раненого. По дороге мы наткнулись на три брошенных орудия и забрали их с собой вместе с тремя ящиками боеприпасов.

Мы двинулись на Шатийон-сюр-Севр, захваченный республиканцами под командованием Вестермана и одержали безоговорочную победу. Наши люди были очень озлоблены против *синих*, которые выжгли все вокруг, а потому мы долго их преследовали, и местные жители очень нам помогали, особенно женщины. А несколько женщин, вооружившись железными вилами, взяли в плен двадцать *синих* и доставили их к нам; республиканцы были полностью разгромлены. Мы забрали их пушки, оружие и боеприпасы. Тогда нами командовали гг. де Лескюр и де Ларошжаклен.

Несколько дней мы шли за противником по пятам, но в преследовании своем зашли слишком далеко, и я дерзнула сказать об этом нашим командирам; мы повернули назад, но поздно: столкновения избежать не удалось; во время этого боя я сражалась только саблей. Вынужденные отступить, мы прибыли к Шатийону; по дороге враг, следовавший за нами по пятам, изрубил нескольких отставших наших. Снова вооружившись мужеством, мы отбили нападение республиканцев, и те отступили. Город ни мы, ни *синие* не захватили, но нам пришлось бросить все, что удалось отнять у неприятеля.

На следующий день г-н Мушетт со своими четырьмя сотнями солдат вошел вместе с нами в Шатийон; считалось, что в городе мы столкнемся с врагом, но там никого не оказалось. Забрав все найденные нами орудия, а также оружие и боеприпасы, мы вернулись в Молеврие и в Шоле.

Через несколько дней гг. Стоффле и Кади привели нас в Ла Рош-д'Арене, что возле Пон-де-Се. Эти места я знала очень хорошо, потому что в одном лье отсюда находилось мое родное селение. Оставив коня, мы с восемью пехотинцами из моего прихода устроили засаду возле моста. Мы укрылись между камней, а когда увидели, что *синие* хотят перейти через мост, принялись стрелять, не переставая; с фланга на них стремительно набросились подоспевшие наши, и республиканцы, не зная нашей численности, стали прыгать в Луару, в водах которой их погибло не меньше шести сотен.

Спустя немного времени я с отрядом в двадцать пять человек на том же самом мосту снова преградила путь республиканцам. Наша армия, атаковав противника возле Рош-де-Мюр, обратила его в бег-

ство; отступая, республиканцы захотели перейти через мост, но мы открыли по ним такой частый огонь, что они бросились в Луару, где их утонуло не менее тысячи. Помню, вся вода покрылась их шляпами. Мы снова захватили артиллерию и весь провиант противника. Об этих подвигах узнали повсюду, и наши командиры, среди которых гг. Стофле и Кади из Сен-Лорана, очень меня хвалили.

Расположившись на склонах Болье, неподалеку от Барре, враг направил свой авангард к Сен-Ламберу. Когда мы подъезжали к Сен-Ламберу, авангард республиканцев уже отошел от лагеря на четверть лье. Я настигла четверых республиканцев и убила их собственной рукой. У одного из них на штыке был наколот полугодовалый младенец и две курицы.

Вступив с авангардом *синих* в бой, мы сражались на протяжении двух часов, но не сумели продвинуться вперед, хотя и не отступили. Я поскакала к виноградникам, где укрывались пехотинцы, желая подбодрить их и призвать продвигаться побыстрее; внезапно вокруг меня полетели пушечные ядра; три ядра упали совсем рядом со мной, и я растерялась, не зная, в какую сторону бросаться. С одной стороны у нас река, с другой разрушенный мост, а наверху, на склоне *синие*, а так как мы находились внизу, противник получил над нами полное преимущество. *Синих* насчитывалось от двадцати пяти до тридцати тысяч, а нас всего пятнадцать тысяч.

Очень трудно представить себе, с какой жестокостью французы воюют против французов. Республиканцами командовал генерал Дюю, а нами его брат, шевалье Дюю, бывший одним из самых храбрых командиров.

Так как я хорошо знала местность, я сказала г-ну Дюю, что могу провести пять сотен людей потайными тропами в такое место, откуда они смогут внезапно атаковать республиканцев. Он мне поверил, и я незаметно вывела его отряд в пять сотен храбрецов туда, откуда они зашли республиканцам с фланга, чего те не ожидали. А так как напали мы внезапно, то противник решил, что нас гораздо больше, чем на самом деле, и быстро сдали свои позиции. Мы же не остановились и бросились за ними в погоню, в результате которой республиканцы потеряли более двух тысяч убитыми. Земля на два лье в длину и на пол-лье в ширину покрылась мертвыми телами; почти все убитые были родом из Анже; в тот день в этом городе больше восьмисот жен стали вдовами. В тот же день мы одержали три победы в трех разных местах.

Я постоянно находилась в гуще схватки, и, когда моего коня ранили штыком в шею, я продолжала яростно рубить саблей направо и налево; сама я тоже получила сабельный удар в правую ногу, но не покинула поле битвы.

Сразив пятерых врагов на подступах к Луаре, в Пон-де-Се я в конце дня сломала на улице саблю о голову своего последнего противника. Увидев, что рядом со мной остался только один из наших, я вместе с ним поскакала к основным силам нашей армии. В тот день одна лишь я уничтожила два десятка врагов; сама я их не считала, об этом мне сказали те, кто сражался рядом со мной, и, если бы не они, я бы об этом говорить не стала.

Вечером я вместе с двумя кавалеристами, добрыми братьями Мартен из Мозе, поехала в Болье к девице Фардо; мы прибыли к ней в одиннадцать вечера. У нее нас накормили супом, и мы вместе съели двух кур, что я забрала у республиканца, который нес их на своем штыке вместе с младенцем.

Отдохнув пару дней, мы направились в Алансон, а по дороге обезоружили двенадцать национальных гвардейцев, слывших предателями. Рядом, в Вокретъене, мы разоружили еще шестнадцать сторонников Республики, а тамошний мэр, завидя нас, все бросил и скрылся в лесу Бриссак. Мы неспешно двинулись в Сен-Мелен, что возле Бриссака, и там разоружили еще два десятка местных гвардейцев, шпионивших в пользу *синих*, а также *чужака* (конституционного священника), оказавшегося при оружии; таких мы ненавидели особенно.

Как оказалось, одну роту тамошних гвардейцев возглавлял мой собственный дядя; меня он не узнал и, приняв нас за своих, обратился ко мне: «Поспешим, *дорогой гражданин*, *разбойники* уже близко». Я сохранила горькое воспоминание о том, что именно он командовал теми, кто убил моего отца и выгнал нашего доброго кюре; тогда он говорил, что если бы он мог, то уничтожил бы всех роялистов до последнего. При этом воспоминании меня охватила такая безмерная ярость, что я перерезала ему глотку и ушла, не став смотреть, как он испустит последний вздох; так же мы поступили и с шестью гвардейцами из его роты. Остальных мы пощадили, взяв с них обещание, что они больше не будут против нас шпионить и сражаться.

Затем наша армия направилась в Шоле, чтобы дать сражение Майнцской армии; но хотя нас было много и в стенах города наши солдаты отважно сражались холодным оружием, мы потерпели поражение.

К нашему несчастью, в этом бою смертельно ранили генерала де Боншана, и это повергло всех в уныние. А так как командиры, и в их числе принц де Тальмон, уже давно хотели переправиться на другой берег Луары, мы в ту же ночь вернулись в Сен-Флоран и 16 октября с превеликим трудом переправились через реку при отсутствии моста и имея ничтожное число лодок. Я преодолела реку вплавь на своем коне.

Перед переправой на другой берег, мы отпустили на свободу десять тысяч пленных, которых просил помиловать г-н де Боншан; но как только они оказались на свободе, как тут же подожгли все вокруг и начали обстреливать наших, не успевших переправиться вместе с основными силами.

Прибыв в Канде, я вступила в рукопашную схватку с противником и убила двух пехотинцев и одного гусара, чью лошадь я продала за 300 франков, а деньги отдала г-ну Муше де Шемийе, коменданту нашего округа, у которого было двое детей, но не было средств к существованию.

По дороге в Лаваль я захватила в плен комиссара республиканцев, и мои товарищи захотели его расстрелять. Я спасла ему жизнь, потому что он сумел доказать мне, что у него в доме укрываются три не присягнувших священника. Поэтому я велела вернуть ему отобранные 1500 франков и лошадь. В Лавале я остановилась в доме этого комиссара и прожила там четыре дня вместе с Муше де Шемийе и его двумя детьми. На следующий день состоялся бой в Ландах, во время которого мы вошли в такое тесное соприкосновение с противником, что хватали боеприпасы из одних и тех же ящиков, ибо узнать друг друга возможно было только при вспышках выстрелов.

Два или три дня спустя мы снова ввязались в бой, превратившийся в ужасную резню, во время которой мы уничтожили три четверти армии противника. В этом сражении храбрый кавалерийский капитан по имени Фрей, а по прозвищу Транш-Монтазь³, собственноручно уничтожил десяток врагов; весь покрытый ранами, он упал с коня на поле боя и, недвижимый, остался лежать среди трупов; все решили, что он погиб, но когда на следующий день его нашли, он все еще дышал.

Едучи в авангарде вместе с одиннадцатью кавалеристами и завидев авангард противника, состоявший из трех гусар, я сказала своим товарищам, что по мне, так лучше отступить. «Вы струсили», — ответили они мне. «Нет, я не струсил, — отвечала я, — но я вас не знаю,

³Tranche-Montagne — фанфарон (*фр.*)

и боюсь, что вы можете меня бросить». Так оно и случилось; стоило мне ступить на мост, как они пустились наутек. Спасаясь от гусар, я вместе с конем прыгнула в воду, вплавь догнала бросивших меня всадников и, выбравшись на берег, сумела уговорить их перейти в наступление. Мы сумели договориться, прежде чем вражеский отряд перебрался на наш берег. Подавая пример, я поскакала на врага и получила удар саблей; двое моих людей были убиты. К счастью, на помощь пришел взвод нашей кавалерии, он и спас меня. Рана не помешала мне мчаться в первых рядах нашей армии и воодушевлять солдат, призывая их исполнить свой долг. После победы я вернулась в Лаваль, в дом спасенного мною комиссара, где перевязала себе руку; комиссар оказывал мне помощь и заботился обо мне. На следующее утро я вышла и у подножия большого каштана стала тренироваться в стрельбе левой рукой, чтобы, как только армия выступит в поход, по-прежнему сражаться в авангарде.

Спустя два дня армия вышла из Лавалья, и я, как обычно, намеревалась ехать в первых рядах. Увидев, что я ранена, г-н Стоффле обогнал меня и угрожающе спросил: «Раз ты ранен, зачем ты вылез вперед?» Решив пошутить, я сказала, что хочу, чтобы меня побыстрее ранили второй раз, а потому поеду в первом ряду. Он угрожающе замахнулся на меня саблей, намереваясь ударить плашмя. Но тут г-н Морнар из Анже, числившийся со мной в одной роте, остановил его и сказал, что я один из лучших кавалеристов, и, если бы генерал знал меня, он бы и не подумал меня наказывать. «А что, он такой знатный сеньор?» — «Нет, сударь, но повторяю, это один из самых храбрых ваших кавалеристов и потому рвется сражаться в первых рядах армии и готов погибнуть за наше дело». Тогда генерал потребовал, чтобы ему сообщили мое имя. Г-ну Морнару пришлось назвать его, и с этой минуты генерал Стоффле всегда видел во мне своего самого преданного солдата и до самой своей гибели доверял мне как храброму и умелому воину.

Из Лавалья мы направились в Фужер, где, ворвавшись в город, мне пришлось вновь орудовать саблей; затем мы захотели взять Арне, и я направилась туда с сотней всадников; однако, завидев превосходящие силы противника, наши кавалеристы дрогнули и бросились в беспорядке отступать. Взяв на себя обязанности командира, я сумела восстановить порядок, и мы собранно, как подобает, соединились с основными силами нашей армии и вместе со всеми отбросили врага.

Двигаясь днем и ночью, армия прибыла в Доль, оттуда двинулась в Понторсон и далее в Авранш. Я начала постепенно пользоваться раненой рукой и даже зарубила ею двух всадников противника. Нам удалось освободить четыреста пятьдесят священников, содержащихся в тюрьме, устроенной в аббатстве Мон-Сен-Мишель.

Возле Доля состоялось сражение, длившееся с восьми вечера и до десяти утра; за это время меня дважды посылали в Доль за боеприпасами и пушками. В третий раз меня отправили привести с собой оставшихся людей.

Этот приказ вызвал в городе панику, но тут появился г-н Стоффле и навел порядок. Меня же с вместе с десятью верными людьми он отправил в расположение артиллерии сообщить нашим, что враг разбит на дороге в Арнэ и гг. де Мариньи и де Ларошжаклен преследуют его.

Далее мы направились в Ла Флеш, где сражались днем и ночью, и в авангарде, и в арьергарде.

Вместе с товарищами меня направили в дозор, разузнать, не приближается ли неприятельское подкрепление. Через пол-лье мы встретили одиннадцать гусар-республиканцев, которые спросили нас, не хотим ли мы выпить с ними по стаканчику. Мы ответили, что с превеликим удовольствием, потому что хороший солдат не может бояться другого солдата, и нас тоже мучит жажда. Выпив вместе три бутылки вина, мы разъехались, а когда оказались на расстоянии выстрела, застрелили одного и ранили двоих; они, в свою очередь ранили двоих наших, а потом пустились в бегство. Мы долго преследовали их, не переставая обстреливать из ружей и карабинов.

Когда мы решили вернуться в Ла Флеш, мы обнаружили, что мост разрушен, а на берегу собралось не менее двух сотен наших, в основном моих земляков. Спешившись, я взяла командование на себя, и мы быстро раздобыли более двух десятков лодок, способных выдержать каждая до двадцати человек. Так мы переправились через реку и вошли в Ла Флеш; враг же, решив, что прибыли наши главные силы, бежал из города, оставив его нам. Мы вернулись к реке, на берег которой вышли основные силы нашей армии, и с помощью веток и стволов деревьев соорудили переправу, по которой смогли перейти и армия, и артиллерия.

В Ла Флеше армия провела всего два дня, а потом отправилась в Ле Ман.

В этом городе я купила коня, но в тот же день одолжила его г-же и девице де Шабо де Мортань, ибо видела, как им трудно идти, пото-

му что они несли на руках младенца. Еще я отдала им 500 бумажных франков; я потеряла и коня, и деньги, ибо они, к несчастью, погибли, но я готова была потерять и больше, лишь бы только они остались живы.

После нескольких маленьких побед мы прибыли в Ле Ман, но враг продолжал нас преследовать, и в город мы вошли с боем. Оставшись без боеприпасов в самом пекле баталии, я продолжила сражаться саблей. Вечером и, как оказалось, очень вовремя, я отправилась разведать, что происходит на подступах к городским стенам. Я увидела, что враг подтащил две пушки, явно надеясь под покровом ночи сделать попытку проникнуть в город; увидев, что его обнаружили, враг отступил. Но на следующий день, ранним утром, между четырьмя и пятью часами, республиканцы снова явились, и мы столкнулись с ними нос к носу. После недолгого сражения мы заставили их отступить на полтора лье, убили много их солдат и захватили две или три пушки. Однако они вернулись снова, мы в третий раз отбили атаку и прогнали их до самого елового леса; но к ним прибыло подкрепление, мы отступили в город и всю ночь вели бой в его предместьях.

С пяти утра и до четырех дня, а потом еще и всю следующую ночь я сражалась, обходясь без пищи, равно как и мой конь. Мне удалось подобрать семь ядер, упавших возле меня, и я отвезла их нашим канонирам, чтобы те вернули их противнику.

Мы не хотели верить, что нам придется покинуть город, но поняв, что помощь не придет, были вынуждены начать отступление.

В трех лье от Ле Мана я с товарищами встретила генерала Дюу. Он сумел спасти горстку раненых и теперь сопровождал их. Мы сказали ему, что надобно продвигаться как можно быстрее, потому что враг идет за нами по пятам. «Нет, — ответил он, — я буду его ждать здесь, а там либо погибну, либо останусь жив, но не оставлю раненых». Видя его упорство и понимая, что мы ничего не можем сделать, мы двинулись дальше.

Потом мы узнали, что несчастного г-на Дюу убили вместе со всеми ранеными и женщинами, которые их сопровождали. Я со своими земляками присоединилась к армии в Лавале, и оттуда мы двинулись на Ансени.

С пятнадцатю товарищами я переправилась через Луару на кое-как соединенных между собой бочках и досках. Гг. Стоффле и де Ларошжа-клен вместе с четырьмя сотнями солдат переплыли на старом корабле, давшем течь. Во время этой переправы нас постоянно обстреливали

с вражеских лодок, прибывавших со стороны Анже, но мне повезло добраться до берега в целости и сохранности.

Большая часть нашей армии использовала плоты, а тех, кто не успел найти способ вовремя достичь другого берега, через несколько дней разгромили и рассеяли возле Савене.

Вернувшись на землю Вандеи, я с пятнадцатью товарищами присоединились к Кателино. За Кателино шло много людей, пять или шесть сотен. Так как мы пришли пешком, один человек дал мне коня. Потом мы участвовали во многих стычках с противником.

Мы намеревались квартировать в Монфоконе, однако примчавшийся из разведки кавалерист сообщил, что нас окружают три колонны *синих*; потом выяснилось, что тревога оказалась ложной, но наша армия, усталая и потерявшая в численности, не имела сил сопротивляться и растворилась: лесными тропами все разошлись по домам. Со мной осталось пятнадцать кавалеристов, и мы направились в Гобертьер, надеясь найти там г-на де Шаретта; не найдя его, мы, все пятнадцать, вернулись в приход Неви. Там мы провели два месяца, не зная, где сейчас наши командиры; они также прятались в укрытиях, о которых не знал никто: они опасались предательства.

За это время нам несколько раз удалось нанести урон противнику. Как-то раз мы встретили шестерых жандармов, сопровождавших арестованных г-на де Лабуара из Жалэ и сестру г-жи де ла Поммельер из Лавуара; пленников мы освободили, а жандармов захватили вместе с конями. Потом мы разбили отряд из пятидесяти республиканцев.

Хотя нас было всего пятнадцать, однажды нам удалось так напугать две сотни республиканцев, сопровождавших четыреста голов скота, что они бросили свою добычу, и скотина разбежалась. А еще мы схватили четырех крестьян-республиканцев и троих жандармов, которые гнали шесть десятков баранов и везли четырнадцать мер зерна, и уничтожили их, а припасы забрали себе.

В то время мы размещались в окруженной лесом хижине, находившейся во владениях г-жи де ла Поммельер, которой принадлежала ферма Ла Бросс. Мы каждый день приходили на ферму, хотя *синие* тоже часто туда заглядывали, иногда человек по сто, а может, и больше.

Однажды, когда я была больна, они чуть не застали меня врасплох, я едва успела спрятаться в кустах, мимо которых они прошли в нескольких шагах; мне очень хотелось выстрелить в них, но я боялась скомпрометировать обитателей фермы.

В другой день в сумерках я нарвалась на часового республиканцев, и он уже прицелился в меня, но выстрелить, несмотря на небольшое расстояние, не решился, как и я: мы оба боялись промахнуться в темноте и, погрозив друг другу, разошлись в поле пшеницы.

Как-то раз, когда мы, все пятнадцать, шли вместе, *синие* выследили нас и окружили, и нам пришлось прорываться сквозь выстрелы; но хотя стреляли в нас очень часто и с довольно близкого расстояния, никого не задело. На мне в тот раз были кавалерийские сапоги, и я не могла бежать достаточно быстро, а потому прыгнула в ров с водой и просидела там более получаса, высунув из воды только голову. Меня никто не заметил, а мои товарищи решили, что я погибла, и стали меня оплакивать; когда же я выбралась из рва и пришла к ним, все посмеялись от души.

Нам надоело бродить самим по себе, и мы отправились на поиски наших командиров. Наконец, мы нашли гг. де Ларошжаклена, Стоффле и де Боже в лесу Везен: они скрывались в наспех сооруженных шалашах. С криком «Стой, кто идет?» г-н де Ларошжаклен, приняв нас за врагов, преградил нам путь; мы тоже сочли, что перед нами враг, и ответили «*республиканцы*». К счастью, г-н де Ларошжаклен узнал мой голос. Все трое подошли к нам; и г-н маркиз де Боже спросил, чего мы хотим. Мы ответили, что мы, собственно, его и искали, и хотим снова собрать войско. «Вы очень храбры, друзья мои, — отвечал он, — но сейчас не время, и я не хочу приносить вас в жертву». Мы заверили его, что будем сражаться под его началом до самой смерти, и он отправился вместе с нами.

Мы привели его в Ланды, возле селения Кабурн. Как только стало известно о нашем прибытии, к нам тут же присоединилось шесть сотен добровольцев. Не желая подвергать нас опасности, г-н маркиз вместе с нами перебрался в лес Шемийе. Оттуда он отправил меня вербовать людей, и я привела ему еще две сотни человек, скрывавшихся на тамошних полях и фермах. Тогда же прибыл г-н Рену с тремя сотнями людей. Поддержка со стороны этого бравого командира придала нам мужества, и мы были готовы сражаться дальше.

Однажды я отправилась в лес к г-ну Стоффле, и мы с ним поехали на разведку. По дороге мы встретили двоих гусар и одного *чужака*. Гусар мы схватили, а *чужаку* удалось улизнуть. Он примчался в селение Жюмельер и сообщил о нас республиканцам. Те отправились в лес и стали нас искать, но не нашли и решили, что *чужак* нарочно поднял ложную

тревогу, и убили его, а труп бросили вместе с телами тех двадцати пяти мужчин и женщин, которых они уничтожили в Жюмельере.

А мы в это время уже шли к Грото, где одержали победу над четырьмя сотнями республиканцев. На следующий день мы отправились в Жюмельер, чтобы пополнить запасы продовольствия, но ничего там не нашли, кроме следов крови, пролитой несчастными жертвами.

Оттуда мы направились в Шемийе, где утром, в восемь часов, враг намеревался уничтожить восемьсот женщин; мы прибыли в половине восьмого, освободили всех несчастных, спасли их от смерти и одержали полную победу.

Надо сказать, никогда еще я не сражалась с таким рвением, как в тот раз; жестокость республиканцев наполнила меня яростью, и я убила сразу двоих: одного выстрелом из пистолета, а другого ударом сабли.

Мы забрали у врага четыреста голов скота, всех лошадей и всю артиллерию, и три лье тащили ее по дороге. Но враг набросился на нас с удвоенной силой, нам пришлось все бросить, а наш добрый генерал г-н де Ларошжаклен принял очень мудрое решение: отвел нас в лес Везен. У нас не было ни хлеба, ни муки, ни сена для лошадей. И хотя я забрала у врага трех лошадей, их пришлось бросить. Потом, сумев пробраться через республиканские заслоны, я добралась до фермы, где нашла печь, полную хлебов, которые мы вместе с товарищами забрали и отдали нашему генералу, а тот разделил их поровну. На следующий день наше лесное пристанище окружили, и нам пришлось через овраги и речки выбираться из окружения: пешие переправлялись с помощью наших лошадей, держась за их хвосты.

Мы вышли к Серизе; всюду, где бы мы ни проходили, к нам присоединялись честные люди. Мы встретили г-на Ришара, бравого капитана, у которого под началом было четыреста человек. Когда мы увидели, что враг полностью сжег Малевриер и Изерне, мы бросились за ним в погоню, но силы оказались неравны, и мы отступили в лес. Конь у меня тогда был плохонький, и с ним я чуть не попала в руки противника. Под двоими нашими убили лошадей, и они рухнули прямо передо мной, но у меня хватило смелости не отступить и спасти обоих всадников. Но в конце концов мы все рассеялись в разные стороны. Мы с моей ротой переночевали в Теремантине.

На следующее утро я отправилась на поиски наших командиров. Найдя их в лесу Везен, я увидела, что отряд, который сопровождал их, насчитывает не более ста человек. Г-н Стоффле отправил меня

в окрестные приходы набирать добровольцев; я выполнила его задание, и на следующий день наш отряд уже насчитывал около двух тысяч человек.

Затем мы направились в Бопрео, где одержали полную победу над врагом. Я с двумя солдатами погнались за командиром республиканцев, мы убили его, и я забрала себе его коня, а его чемодан и все что в нем было, отдала солдатам.

В день Сретенья 1794 года мы переночевали в Жете. На следующее утро меня в числе многих назначили сопровождать генерала Стоффле в Грипьер. Пока мы находились в Грипьере, сообщили, что в Жете идет бой. Выслушав донесение, мы поспешили к нашим. Уже издалека мы увидели, что наши отступают в полном беспорядке. Бросившись наперерез бегущим, я закричала, что привела с собой тысячу человек подкрепления. Мне поверили, и, объединившись, мы одержали полную победу.

По ночному времени мы двинулись на Шоссер, и на дороге увидели пять телег с мукой, которых сопровождали три республиканца. Заметив нас, они начали нас обстреливать, и наш отряд разделился на две части. Не обращая внимания на выстрелы, я с четырьмя кавалеристами помчалась прямо на врага и застрелила всех троих. Но эта стычка в сумерках напугала многих наших, так что нам с большим трудом удалось удержать всех вместе, чтобы никто не разбежался. В Ландах мы присоединились к генералу Стоффле, одержавшему к этому времени несколько побед. Но в Бопрео нас разбили наголову.

По дороге на Везен мы столкнулись с вражеским авангардом. Мы с десятью всадниками ввязались в схватку и захватили сначала шесть, а потом еще пять лошадей. В Лире нам пришлось спасаться бегством; из-за поднятой множеством ног и копыт тучи пыли мне удалось в самой гуще республиканцев скрепить разорвавшиеся подпрути седла: я была вся в пыли, и они приняли меня за своего.

При отступлении трое гусар бросились за мной в погоню. Спасаясь от преследования, я наткнулась на раненого, который умолял меня не бросать его. Тогда я остановилась и, отбиваясь, убила двоих гусар, а третий развернулся и ускакал. Посадив раненого позади себя, я привезла его в замок Лавуар, где меня уже и не ждали, тем более, что товарищи мои сказали, что они видели, как меня ударили саблей; но со мной ничего не случилось, только кобыле моей отсекли ухо.

Двигаясь в сторону Брессуира, мы встретили противника, подпустившего нас довольно близко, ибо поначалу он решил, что это к нему

идет подкрепление. Мы очень удивились, ведь над нами развевалось белое знамя. Честно говоря, мы думали, что этот бой станет для нас последним, но мы сражались так храбро и так быстро перезаряжали наши ружья, что сумели отбросить врага, и, если бы не опустилась ночь, никому не удалось бы от нас уйти.

Когда мы ночевали в Аржантоне, генерал Стоффле велел приговорить к смерти Пике, дезертира из войска республиканцев, которому поручили командовать кавалерией; этот Пике ночью пытался совершить насилие над женщиной. Некоторые стали просить генерала пощадить Пике, но честные люди громко потребовали его казни, утверждая, что если оставлять преступления безнаказанными, вся армия погибнет. Несчастную женщину спасли мы с моими двумя товарищами: ночью мы услышали шум и бросились к ней на помощь. Разоблаченного нами преступника расстреляли на глазах у всей армии. И если бы не нагрянул враг, мы бы наказали еще двоих его приятелей. А в следующем сражении этих двоих ранили, и их оставили в хижине, что в чаще леса Везен. Через несколько дней (Бог ничего не оставляет безнаказанным), республиканцы вошли в лес и сожгли раненых вместе с хижинами; к несчастью, они сожгли не только двух негодяев, но и много добрых людей.

В те дни, когда мы сражались между Нуайлем и Шоле, мы имели несчастье потерять г-на де Ларошжаклена. Какой-то республиканец, чудом оставшийся в живых после того, как мы убили пятнадцать его товарищей, увидев, что он окружен, с десяти шагов выстрелил в г-на де Ларошжаклена из пистолета и снес ему череп. Армия погрузилась в траур, каждый оплакивал гибель генерала, словно гибель собственного отца. Долгое время его смерть скрывали, говорили, что он ранен и прячется.

Все же мы двинулись на Шоле, где я сражалась с удвоенной силой. Армия разделилась на три колонны: г-н де Боже командовал левой, г-н Рену правой и г-н Стоффле центром. Враг был отброшен; в городе началась резня: г-н Рену уничтожил сорок республиканцев, укрывшихся за стенами кладбища. Мы преследовали врагов более полутора лье, но они получили подкрепление, и нас отбросили назад. В тот день все наши храбрые и отважные командиры пешими сражались на улицах города.

Мы медленно продвигались к Шавану, где потерпели поражение. Однако в Кайюдьере мы разбили врага наголову и вернулись только на следующее утро. Зайдя к себе, я обнаружила, как одиннадцать солдат

генерала Шаретта растаскивают мои вещи. В ярости я выстрелила и ранила одного из них. Я тотчас доложила обо всем генералу Стоффле, и тот сказал, что я правильно не дала им спуску: им было бы больше чести, если бы они преследовали врагов, нежели грабили меня.

В Вандее я чаще всего останавливалась в Шамиيه, а также в замке Лавуар, где в окрестных фермах от ярости палачей скрывались несчастные женщины, дети, священники и бедные старики; чтобы охранять и защищать их, я днем и ночью обходила дозором окрестности, проходя иногда пять и даже шесть лье.

В один из дней *синие*, покинув Сен-Лоран, где они все сожгли и всех перебили, не пощадив даже здешних своих сторонников, пришли в Шалон. Наш дозор предупредил о наступлении противника. Хотя нас было мало, я немедленно собрала всех, кого смогла. Всего оказалось примерно триста человек, и мы сумели отбросить врага на другой берег Луары. После этой победы меня захотели назначить командиром и даже предложили выделить мне секретаря; однако я отказалась, заявив, что не могу занимать такой высокий пост.

Наконец пришло время говорить о мире. Вместе с четырьмя кавалеристами меня отправили в Анже с письмами для представителя Делоне. На обратном пути я встретила с *чужаком* из Жюине, который прямо посреди улицы дерзко дал мне пощечину и велел жандармам арестовать меня; жандармов было двое, и они без труда отвели меня к г-ну Мижонетту, коменданту городка. По дороге они говорили, что мне надобно отрубить голову, потому что я всегда сражалась во главе роялистов и очень опасна для республики; мы шли больше четверти часа, и все это время они замахивались на меня саблями. Им очень повезло, что я была безоружна!

Наконец, их маханье мне наскучило, и, приготовившись умереть, я схватила обеими руками их сабли, подняла их над головой и отважно заявила, что если я и заслужила смерть, то не им приводить приговор в исполнение — их дело отвести меня к представителю; наконец, меня доставили в ратушу. В первой комнате, куда меня втолкнули, ко мне отнеслись очень дурно, во второй немногим лучше. Мне сказали, что очень глупо сражаться за короля, да еще под командованием таких плохих и трусливых командиров, которые даже не позаботились наградить меня. Но если я столь же верно буду служить правительству, оно не оставит меня своей щедростью. Я ответила, что воевать меня никто не заставлял, что я делала это по убеждению, но, если они

вернут мне живыми моего отца и сорок одного родственника, которых они убили, я обещаю стать добрым республиканцем (я говорила «добрым республиканцем», потому что по-прежнему выдавала себя за мужчину). Они мне сказали, что это невозможно. Что ж, ответила я, значит, мне не суждено стать республиканцем. Тогда они дали мне пропуск и как посланца отпустили, посоветовав быть поосторожнее, ибо если меня снова поймают, то больше не выпустят. На самом деле они боялись появления отряда вандейцев, которые по тем временам могли неожиданно налететь и нанести им большой урон.

После замирения Нанта я спряталась на мельнице Брефьер, в приходе Сен-Кристин. Меня предали, и враги так быстро окружили дом, где я находилась, что я едва успела надеть на себя женскую одежду; убежать я уже не могла. Вломившись в дом, республиканцы спросили меня, где находится некий Ланжевен, кавалерист из Лавуара. А один из них, хлопнув меня по плечу, сказал: если я его найду, я точно узнаю этого *разбойника*. Я сказала ему, что *разбойник*, и правда, приходил сюда, и они могут взять его, если найдут. Видя, как они ищут меня повсюду, я сама, как бы помогая им, разворошила кровать, в которой спала, и, сбросив матрас и одеяла на пол, накрыла ими саблю, ружье и чепрак, и они ничего не заметили. Республиканцы забрали мою лошадь, но я потребовала вернуть ее, утверждая, что это лошадь моего хозяина. Они пообещали, если я сообщу им, где Ланжевен. А что вы от него хотите, спросила я у них, ведь мир уже заключен? Для него никакого мира нет, ответили они, сопровождая свои слова ругательствами, у нас приказ искрошить его на мелкие кусочки, где бы мы его ни нашли. Они велели мне идти с ними к коменданту Сен-Пьер де Шемийе, чтобы тот дал мне свидетельство о благонадежности. Комендант потребовал у меня сдать оружие. Я ответила, что у меня его нет, а если бы и было, то я бы его не отдала. «Ты смелая женщина, — сказал комендант, — оставь его себе, если оно у тебя есть. — И добавил: — Когда-то я тоже служил королю». К сожалению, я забыла имя славного коменданта, но с большим удовольствием вспоминаю о нем.

В Шемийе за мной бдительно следили на протяжении двух лет; несколько раз мне приходилось спасаться от жандармов. К счастью, я повсюду находила добрых людей, готовых меня принять и помочь спрятаться. Республиканцы не раз давали награду за мою голову, как в Бретани, так и в Вандее. Когда началось очередное ожесточение, во всех приходах расклеили афиши, призывавшие везде, где бы меня ни

встретили, убить и даже разрубить на части; тому же, кто принесет мою голову, обещали сорок тысяч франков вознаграждения.

Сьер Андре, бывший тогда мэром в Потевиньере, много раз пытался поймать меня и предложил десять тысяч франков из собственного кошелька тому, кто меня арестует.

Многие, кто, как и я, звались Бордеро, были задержаны, и среди них немало здешних республиканцев. Капитан Фрей, о храбрости которого я уже рассказывала и который сейчас живет в Париже, может подтвердить, что я говорю чистую правду.

Все это не помешало мне принять участие в военных действиях 1799 года. Я участвовала во многих мелких стычках, и среди прочих под Сирьером, где был убит г-н де Гиньон, и в сражении при Обье, где я билась рядом с г-ном Рену, который командовал пехотой, а также возле Мулен-сюр-Нюэй. Дело началось довольно успешно, но, когда г-на Рену тяжело ранили и ему пришлось покинуть поле боя, все пошло наперекосяк, и нас разгромили наголову. Немногим ранее я с двадцатью пятью всадниками ездил к замку Верметт, где закрылся г-н де Бовуалье; мы привозили ему порох. Примчавшись раньше, чем *синие* полностью окружили замок, мы открыли огонь из карабинов и пистолетов, тем самым сильно переполошив противника, а дождь, хлынувший как из ведра, помешал ему открыть ответный огонь. Тем временем г-н де Бовуалье и его люди сумели проделать брешь в стене и спаслись.

Мир, заключенный г-ном д'Отишаном, как оказалось, был не для всех — в частности, не для меня и других храбрых людей. Мне пришлось прятаться в приходе Изерне; там мне повезло оказать услугу нескольким эмигрантам, и среди них барону де Везену, для которого мы раздобыли свидетельства о благонадежности, на основании которых его вычеркнули из эмигрантских списков.

Несмотря на все услуги, которые я оказала очень многим, я в конце концов совершенно обеднела; чтобы заработать на хлеб и при этом никого не беспокоить, мне пришлось по ночам развозить в тележке извесь.

Однажды меня арестовали по очень странной причине. Меня обвинили в том, что я и есть тот мужчина, который изнасиловал дочь бригадира из Аржантона. Всю дорогу, пока меня везли в Брессуир, меня называли вандейским *разбойником*, и утверждали, что совершенных мною преступлений вполне хватит, чтобы меня расстрелять;

только так я больше никому не причиню вреда. Мне стало не по себе, ибо совсем недавно Дюмениля и его брата убили только за то, что они не предъявили пропуска. Когда меня доставили в Брессюир, вокруг собралась чернь вперемежку с жандармами, и все глазели на меня, выкрикивая: «Вот и еще один вандейский голубок попался!» Мне это надоело, и я ответила: «Голубок, он самый, но скушать меня вам не удастся». Посреди яростных воплей и криков меня препроводили к мировому судье; тот сразу попросил мои бумаги. Я тотчас их предъявила. Он спросил, настоящее ли я ношу сейчас имя. Я Богом поклялась, что настоящее. Он сказал, что напишет мне домой, а в ожидании ответа отправит меня в тюрьму. Добрый мэр Изерне, где я тогда жила, убежденный роялист, быстро отправил нарочного с ответным письмом, где заверял мирового судью, что я говорю правду; еще он писал, что я славная и честная девица, а потому никак не могла изнасиловать дочь бригадира из Аржантона. Но так как я имею обыкновение одеваться в мужской костюм, возможно, что я понравилась той девушке, но совершить над ней насилие я никак не могла. Меня тотчас отпустили на свободу.

В Изерне меня заподозрили в том, что я препятствую молодым людям записываться в армию, жандармы стали следить за мной, и мне пришлось перебраться жить в Шоле. В Шоле я не прожила и года, как меня снова стали подозревать в том, что я препятствую рекрутскому набору и уговариваю всех не ходить на мессы священников, которые принесли присягу за конкордат. Подозрения их были оправданны, потому что с помощью добрых роялистов, мэров Сунуара, Лазиньера и Изерне я доставала свидетельства о непригодности к военной службе; всего таких свидетельств я достала то ли десять, то ли двенадцать; а еще я находила честных людей, которые прятали у себя скрывавшихся от набора и кормили их.

В конце концов меня арестовали и отправили в тюрьму Бопрео, потому что считали, что я слишком опасна; но они обещали меня награждать, если я стану служить правительству так же верно, как служила *разбойникам* из Вандеи, выдам дезертиров и места, где скрываются руководители мятежников. Мне приводили в пример кюре из Сен-Лод, который перешел на их сторону и стал епископом. Я отвечала, что я не кюре из Сен-Лод, и, если тот предал своих, то я никогда своих не предаю, даже если меня решат убить или сгноить в тюрьме; таково мое убеждение, и я не изменю его и унесу с собой в могилу.

Через семь месяцев, после многочисленных допросов, из тюрьмы в Бопрео меня вместе с пятнадцатью уклонистами, крепко связав нас друг с другом, перевели в Анже. Нас так боялись, что для сопровождения в Анже выделили две сотни человек. Вот какая шла про нас слава! Когда мы ехали по полю возле Сен-Ламбера, где в свое время состоялось сражение, меня спросили, сколько человек я здесь убила. «Так много, сколько смогла, — отвечала я им, — и, к сожалению, вы были не из их числа, иначе вы бы сегодня не конвоировали меня». — «Была бы наша воля, — отвечали мне, — тебя тоже сейчас здесь бы не было, так как мы бы прикончили тебя на месте; гильотина слишком нежна для тебя». Я ответила им, что они должны исполнить приказ и доставить меня в Анже, а там решат, заслуживаю я смерти или нет.

Когда мы проезжал по мосту Се, собравшиеся вокруг добрые роялисты оплакивали мою участь, а кровопийцы-республиканцы кричали, что нас надо отправить на гильотину.

Меня привезли в крепость Анже, где мне так же, как и в тюрьме Бопрео, предложили раскаяться в своем *разбойном* прошлом и поступить на службу к правительству; в этом случае меня обещали отпустить на свободу. Я дала им прежний ответ, и меня посадили в тюрьму, устроенную в бывшем монастыре кающихся, в одиночную камеру, где я провела три недели, не видя ни одного человеческого лица. Власти обсуждали, к какой казни меня приговорить, однако местные патриоты воспротивились смертному приговору, опасаясь, что за меня станут мстить, а, значит, погибнет еще очень много людей. Впрочем, эти соображения не помешали им разворовать все мои вещи и продать все, что у меня было; больше всего я сожалела об оружии, которое они нашли в одной из моих кроватей.

Еще полтора года меня держали в темнице среди сумасшедших, которых натравливали на меня в надежде, что они меня убьют; но могущество Господа велико, и Он распространил благоволение Свое на меня и на всех честных людей, коих постигла такая же участь.

В этом печальном узилище я три недели находилась при смерти, но власти под страхом тюремного заключения запретили оказывать мне помощь. Однако несколько милосердных душ были столь добры, что попросили г-на Данкре, священника из монастыря кающихся, прийти и исповедать меня, чтобы не дать мне умереть без причащения. Дважды священник приходил в тюрьму, однако так и не смог пройти ко мне; ему говорили, что я не нуждаюсь в исповеднике; настоящая же

причина заключалась в том, что они не хотели, чтобы все узнали, как отвратительно со мной обращаются. Но господин кюре был так добр, что дошел до самого префекта и наконец получил у него разрешение прийти и исповедать меня; самое время, ибо я уже почти не могла говорить. Он принес мне немного еды, которая придала сил. Через два дня он снова пришел и от имени префекта велел тюремщикам снять с меня кандалы и прекратить бесчеловечное обращение со мной. «Будь мы уверены, что об этом никто не узнает, мы бы лучше пристрелили ее по-тихому», — отвечали они. Так говорили полицейский комиссар Берто и тюремщик по имени Корсери.

Добрый кюре не оставлял попыток с помощью честных людей Анже вытащить меня из темницы; но их усилия оказались напрасны. Несколько сердобольных лиц приходили навестить меня, но комиссар Берто и тюремщик отказывали им в свидании со мной и даже угрожали. А с молоденькой девицей Арлуэт они обошлись так грубо, что запугали ее до полусмерти. Как-то раз я спросила их, когда мои мучения кончатся, и они ответили: «Через три дня». Когда указанные три дня истекли и со мной ничего не случилось, я почувствовала себя лучше, ко мне вернулась бодрость духа. Неожиданно явились мои тюремщики и сковали мне руки вместе, заявив, что им велели охранять меня как следует, ибо, если об этом не позаботиться, я непременно убегу из тюрьмы.

Я, действительно, пыталась убежать из анжерской тюрьмы; Бог послал мне человека, снабдившего меня инструментом, с помощью которого я сумела открыть замки моих кандалов. Поэтому я твердо решила бежать; меня не пугала даже необходимость спрыгнуть со стены узилища, высота которой составляла более шестидесяти футов. К сожалению, проделанную мною дыру заметили и стали стеречь меня пуще прежнего. Каждый день я направляла просьбы префекту, чтобы меня отдали под суд или отпустили на волю, но мои усилия оставались втуне. Очевидно, чтобы поскорее уморить меня, полицейский комиссар и тюремщик сообщили министру и префекту, что я хотела их убить, равно как и всех остальных узников. Как будто несчастная со скованными руками могла взбунтоваться против них или против ста шестидесяти женщин, которым ни разу не сказала худого слова!

Вскоре меня стали готовить к отправке в тюрьму на Мон-Сен-Мишель. Меня сковали одной цепью с шестью мужчинами, которых я никогда не видела. «Вы всегда стояли во главе *разбойников*, теперь вы снова на своем месте», — сказали мне тюремщики. Мужчины,

оказавшиеся на одной цепи со мной, шли позади меня, а я была впереди. Вот так нас вели всю дорогу, обращаясь с нами совершенно отвратительно; в цепях мы проделали не менее шестидесяти лье, ночуя в тюремных камерах и не имея даже соломы для ночлега.

Когда мы прибыли на Мон-Сен-Мишель, нас встретили как самых отвратительных негодяев, какие только есть в мире: такую вот характеристику дали нам в нашем департаменте. В камерах, куда нас поместили, кормили только хлебом, а пить давали только ту воду, что падала с неба: ее здесь собирали в цистерны. Ежедневно на каждого выдавали примерно по полбутылки воды; каждые две недели получали по шесть фунтов соломы. Воздух в наших камерах был затхлый, исполненный вредных испарений, и прежде всего потому, что мы вынужденно справляли нужду прямо в камерах, а потом, собрав в солому, выбрасывали ее через решетку, и все такое. Нам никогда не разводили огня и не давали свечей, даже в самые сильные морозы; зимой во время сильных холодов трое мужчин замерзли и умерли.

Всего в тюрьме я провела пять лет, из них три года в Анже, из которых полтора года в одиночной камере и полтора в общей, с другими заключенными; еще два года я провела в подвальной темнице на Мон-Сен-Мишель, откуда вышла только тогда, когда наш добрый король, наш Желанный, вернулся во Францию.

После стольких мук и страданий, когда я много раз теряла все, что имела, я верю, что заслужила счастье увидеть нашего доброго короля и всю семью Бурбонов, которым я всегда была и буду предана до самого последнего вздоха.

В заключение должна сказать, что я очень много всего забыла, моя память сохранила лишь обрывки воспоминаний о том, что мне довелось пережить; то же я могу сказать и про даты, вспомнить которые мне становится все труднее, а потому я не стала их диктовать, поскольку могла их перепутать. Но я никогда не забуду моих отважных вандейских командиров, особенно гг. Ларошжаклена и Лескюра, соединивших в себе глубокую набожность с великой храбростью. Я всегда буду помнить гг. Стоффле, Сапино, де Боншана, д'Эльбе, Кателино, де Боже, Дюпера, Рену, де Борепера, Форестье, Кади и других, чьи имена я сейчас запаматовала; все они были отважными и преданными защитниками правого дела. Я имела счастье спасти жизнь г-на де Лагарда, когда *синие* окружили нас со всех сторон, а также г-на Рену, за чью голову была назначена награда.

Я совсем не упомянула аббата Бернье, которого долго охраняла, считая, что он стоит на стороне правого дела. Но как только я заметила, что он больше не поддерживает короля, я покинула его.

Добавлю, что эта война сгубила еще двух моих братьев и шестерых близких родственников, сражавшихся вместе со мной. Один из братьев умер год назад от полученных в боях ран, оставив двух малолетних детей, у которых нет иной опоры, кроме меня.

Вот, дорогие дамы, так я жила в Вандее, о чем и постаралась вам рассказать, как могла. Прошу меня извинить и не оставлять своим вниманием ту, кто имеет честь воздать вам глубочайшее уважение.

Ваша смиренная и почтительная служанка Рене Бордеро по прозвищу Ланжевен.

*Перевод с французского и примечания
Елены МОРОЗОВОЙ*

